

Няня для главы сыскной полиции

Автор:

[Диана Маш](#)

Няня для главы сыскной полиции

Диана Маш

«Инфомошенница! Аферистка! Продавщица воздуха!» Как меня только не называли злые завистники, пока я, улыбаясь, зарабатывала миллионы. Но неведомые силы, по велению своей левой пятки, забросили меня в другой мир. Где на смену богатству и независимости, пришли нищета и злая мачеха. А вместо прекрасного принца судьба подсунула сурового главу сыскной полиции, который угрожает мне вполне реальной тюрьмой, если я не стану его... няней.

Диана Маш

Няня для главы сыскной полиции

Пролог

– Ах ты, змея подколодная! Мерзавка! Девка гуляющая!

Уклониться я не успела. В лицо прилетели ношенные мужские панталоны, а следом на меня кинулась метнувшая их женщина. Да с такими монументальными формами, что я бы при всем желании не смогла их обхватить.

Не сильно и хотелось...

Глафирия Петровна, при виде подобного беспредела, кряхтя залезла под единственный в помещении стол и заняла наблюдательную позицию. А мне пришлось вспомнить школьные уроки физкультуры: подхватить юбки и пуститься в бега.

– Дамочка, что вы себе позволяете? – возмутилась я, уклоняясь от очередного снаряда. Им оказалась длинная ночная рубашка. Судя по виду, тоже мужская и тоже не первой свежести.

– Как ты меня назвала? – для своего возраста и комплекции женщина передвигалась очень резво. Лицо ее по цвету напоминало спелый помидор, а в заплывших глазах читалась жажда убийства. – Я Софья Михайловна Шулецкая, прихожусь троюродной сестрой жены князя Покровского, стерва бесстыжая. А вот кто ты такая, я скоро выясню!

Казалось еще секунда, и меня поймают, но глаз зацепился за приставленную к стене лестницу, что вела к потолочной балке. Мастера еще утром закончили чинить прохудившуюся крышу, а прибраться за собой не успели.

Благослови их боже!

– Облегчу вам задачу. Я уважаемый в своей среде коуч-мотиватор... – крикнула я, со скоростью бешеной белки карабкаясь вверх. А достигнув цели и усевшись на деревянный брус, толкнула ногой железную конструкцию.

Пол сотряс оглушительный грохот.

– Матеватар, матеватар... Махинатор ты, вот кто! – прокричала хмурая дама, грозя мне снизу кулаком. – Да из-за тебя мой муж головой повредился. Нас с детьми по миру пустить решил. Выкидывает одежду, мебель, с утра до ночи рисует какую-то «карту желаний».

– Шулецкая, говорите? – задумалась я. – Вы жена Степана Ильича? Он один из лучших моих учеников!

– А то я не знаю! Мария Андревна то, Мария Андревна сё, – упершись кулаками в бока, передразнила она смешной говорок своего супруга. – Увести его у меня

вздумала? Ничего, я до тебя доберусь!

– Никого я не уводила. Ваш муж сам записался на мой семинар. А если не верите, спросите у моего ассистента. Глафирия Петровна? – Услышав свое имя, затаившаяся под столом перепуганная старушка, не поднимаясь с колен, быстро поползла к двери. – Или у других учеников спросите, они должны подойти с минуты на минуту.

– Учеников? Тебе мужа моего мало, еще кого-то к рукам прибрать решила?

– Я бы попросила! Среди них много женщин!

– Так у вас тут настоящая... оргия? – казалось, дама того и гляди упадет в обморок. А с ее габаритами это было бы нежелательно.

– Какая еще оргия? Это моя авторская методика. «Путь к себе настоящему» называется. Ее основная концепция – отринуть все лишнее и наладить связь с космосом. Мы только начали, и сейчас на стадии избавления от ненужного хлама, который мешает постичь вселенную. Я лишь посоветовала начать с личных вещей. Таких, как дорогие часы или машин... лошади. Поверьте, о панталонах даже речи не было. Похоже, Степан Ильич воспринял мои советы чересчур буквально.

– Хочешь сказать, шашни ты с ним не крутила? – недоверчиво нахмурилась госпожа Шулецкая.

– Не с ним, ни с кем-либо еще. Я строго чту профессиональную этику, и не имею привычки заводить романы со своими учениками, – кажется она расслабилась, теперь можно добивать. – Послушайте меня, эээ... Софья Михайловна. Я вижу, что вы женщина умная. Умеете себя поставить. Обозначить границы... Но вот незадача, ваша женская энергия не до конца проработана.

Я грустно покачала головой, пытаюсь со своей позиции разглядеть выражение лица потенциальной клиентки.

Вроде бы заинтересовалась. Отлично, рыбка на крючке.

- Не проработана? – переспросила она, опуская кулаки.

- К сожалению, да. Отсюда и проблемы в семье. Недопонимание. Но вы не расстраивайтесь. Со следующей недели я начинаю набор учеников на свой новый курс – «Женщина неземная». Там мы окунемся в позитивное мышление. Проработаем ваши сердечные чакры. Воспитаем женскую энергию. Научимся дышать маткой...

- Маткой? – брови женщины взметнулись вверх и спрятались в волосах.

- В фигуральном смысле этого слова, – поспешила успокоить я ее. – Всего четыре недели, и вы не узнаете себя. Муж станет шелковым. Начнет носить на руках. Дороговато, правда. Но ради вас мы готовы уступить и согласны на рассрочку.

- Рассрочку?

Черт, я снова забыла, где нахожусь.

- Оплата еженедельно. По частям. Выходят сущие копейки. Сейчас Глафирия Петровна вернется, и мы... – договорить я не успела.

Раздался громкий свист и в помещение влетел десяток полицейских, быстро оттеснивших шокированную Софью Михайловну к стене.

За ними следом, едва переводя дыхание, семенила моя пожилая ассистентка. А замыкал шествие, медленно чеканя шаг тяжелых юфтевых сапог, высокий, статный мужчина в черном мундире.

- Ищите, она где-то здесь, – узнав этот глубокий, чуть хрипловатый голос, я тяжело сглотнула и вцепилась в балку обеими руками. Но не потому, что боялась упасть.

Просто... этот голос обладал такой завораживающей силой, что даже мне, девчонке из двадцать первого века, хотелось пасть ниц перед его обладателем.

- Ваше благородие, – обратился к нему один из подчиненных. – Той шарлатанки тут нет.

– А вот мне так не кажется, – протянул мужчина, приближаясь к госпоже Шулецкой. Та испуганно застыла, широко раскрыв свои мелкие глазки, а затем подняла руку и ткнула пальцем вверх.

Вот это подстава!

Он поднял голову, и я утонула в омуте черных глаз. Время словно остановилось. И только мысли в голове неслись с бешеной скоростью.

Так вот ты какой, глава сыскной полиции!

В прошлую нашу встречу я не видела его лица. С чего-то решила, что он старше, и не такой привлекательный, как принадлежащий ему голос.

Как же я ошибалась...

Молчаливая дуэль взглядами продлилась ровно до того момента, пока на чеканном лице мужчины не расплылась холодная усмешка.

– Попалась, птичка. Долго же я за тобой бегал.

Глава 1. Маша и медведь

Две недели назад

Управлять машиной, когда в одной руке у тебя помада, а во второй стаканчик с тыквенным капучино и так не просто. А если в это время на приборной панели разрывается телефон, то ни о какой концентрации на дороге не может быть и речи.

А я, между тем, опаздывала на интервью в один очень известный журнал. Где мне обещали посвятить целый разворот и для съемки пригласили итальянского

фотографа.

Ну не сказка ли?

Прочитав имя на дисплее, я как-то умудрилась попасть по нужной кнопке и услышала из динамика бодрое приветствие.

– Славик, у тебя пять минут! – уставившись в зеркало, я вернулась к прерванному занятию. А именно – стала наносить на губы последние штрихи.

– Машенька, детка, где ты ходишь? Тебя тут все потеряли. Светка Книжникова пока грызет карандаш, но скоро примется за меня. Я своей пятой точкой чую.

– В дороге я. Еду уже, – машину немного повело на скользкой трассе, из-за чего мне пришлось бросить помаду на соседнее кресло и взяться за руль. – За городом была, в детокс-клинике. Они меня на конец месяца записали. Так что ты там окошко подготовь. Я на недельку выпаду из потока.

– Помечу в календаре, – тут же отозвался парень и, понизив голос, продолжил. – Слушай, сегодня со мной одна крупная компания связалась. Хотят купить у тебя рекламу. За пост обещаю восемьсот кусков. Есть, правда, кое-какие нюансы, но надо брать!

Если Славик говорит, что надо, я обычно верю ему на слово.

Несмотря на жеманность и щуплый вид, он обладал безошибочным нюхом и бульдожьей хваткой. Именно они в свое время свели сироту из детского дома, у которой кроме смазливой мордашки, сокрушительного обаяния и подвешенного языка за душой не имелось ни гроша. И такого же нищего тусовщика, перебивающегося случайными подработками везде, где придется.

Путь наш был тернист. Дружба, основывающаяся на взаимовыгоде, шатка. Но результат, к которому мы в итоге пришли, стоил вложенных усилий.

Я – звезда инстаграма с шестью миллионами подписчиков, и получающая в неделю столько, сколько большинству людей даже не снилось. А он мой продюсер, имеющий с моих контрактов очень большой процент.

– И что это за реклама?

– Понимаешь, – замялся Славик. – Это не совсем твоя история... рекламировать нужно майонез. Но мы будем идиотами, если откажемся.

– Майонез? – я зависла на мгновение, уставившись перед собой. – Славик, мы будем идиотами, если согласимся. Я! Я буду идиоткой!

– Машенька, детка, не кричи. Это вредно для нервной системы. Ну да, не совсем обычно. Тебе придется надеть на себя костюм майонеза. Но погоди отказываться. Я узнавал, там есть проем для лица. Мы так тебя накрасим, что ты станешь самым горячим майонезом в истории всех майонезов. Ну и о деньгах не забывай.

– Ты издеваешься? – прорычала я и так дернула рукой, что брызнула на белую кофту остатками кофе. Настроения это, естественно, не прибавило. – Ульяне Морозовой до сих пор ставят лайки под постом, где она обсмеяла мое платье от Жантье. А оно, на минуточку, стоило пятьсот кусков. От костюма майонеза у ее подписчиков случится самая настоящая истерика!

– Да какая разница, что пишет эта дурочка? Она завидует твоим гонорарам.

– У нее на целых двадцать два подписчика больше, чем у меня!

– Это боты.

– Я тоже хочу ботов. Купи! – всхлипнула, прекрасно зная, как он не любит, когда я так делаю.

– Хорошо, куплю, – тяжело вздохнул Славик на другом конце. – Тем более у нас через неделю новый марафон, они тебе пригодятся. Завтра начнем прогрев аудитории!

– Прогрев? Что ты на этот раз придумал? Учти, снова разыгрывать любовный роман я не хочу. У последнего качка, которого ты выбрал, ужасно воняло изо рта, когда он лез меня целовать. Еле отбилась.

– Никаких романов, это вторично. У меня новая, гениальная в своей гениальности идея! – восторженно произнес парень, явно ожидая от меня не меньшего воодушевления.

– Делись!

– Нам нужно создать небывалый ажиотаж. Сделать действительно стоящий инфоповод. Скажем, что ты попала в аварию. Но не простую... это скучно, – сочинял на ходу Славик. – К примеру, ты направлялась домой. Из леса на трассу вышел медведь. Пытаясь его объехать, ты врезалась в дерево. Мишка спасен, ты в больнице. Не волнуйся, есть у меня знакомые в одной частной клинике. Несколько твоих фото с нарисованными синяками и ссадинами, естественно, утекут в сеть. В инстаграме на пару дней наступит тишина. Все будут на ушах. Ну а я пока поищу, кому продать твое первое после инцидента интервью.

Кажется, заявив о бульдожьей хватке Славика, я забыла упомянуть о его богатом воображении. Которое, конечно, очень помогало нашему общему делу. Но чаще вгоняло меня в уныние и тоску.

– Славик, а может ну его, этот марафон? Перенесем на пару месяцев? Я еще от прошлого не отошла. Мне нужно отдохнуть на Мальдивах...

– Какие еще Мальдивы? – всерьез удивился он. – Вселенная дала нам шанс собрать миллионные охваты. Проверь свой директ, там же куча сообщений от твоих фанатов.

– Да знаю я, видела, – выдохнула я, наблюдая через лобовое стекло, за пролетающими по бокам елками. – Просто, я не в ресурсе. А там столько дел... Опять ежедневные съемки, учить текст. Чакры эти, трансформации, энергия – перемешалось все в голове. А она у меня из-за жесткой диеты и так еле работает.

– Машутка, – бррр, ну вот зачем он? Знает же, что я терпеть не могу, когда меня так называют. – Успокойся. Вдохни поглубже. Все проблемы решаемы. Вот отснимем новый марафон и рванешь на свои Мальдивы. А если что-то вылетит из головы, или перепутаешь, так невелика беда. Ты же не научную диссертацию защищаешь. В крайнем случае скажем, что у тебя открылся третий глаз. Ему виднее.

Не выдержав, я громко прыснула.

– Славик, для тебя в аду уже заготовлено особое место.

– Ага, и называется оно – трон, – присоединился к моему смеху парень. – Ладно, обсудим все, как приедешь. Кстати, когда это будет?

Потянувшись вперед, чтобы открыть на телефоне карту и проверить маршрут, я на секунду отвлеклась от дороги. А когда вновь подняла голову, не поверила глазам.

Прямо посреди трассы, на задних лапах стоял самый настоящий медведь.

Задаваться вопросом – как он здесь очутился, времени не было. Крутанув руль вправо, я нажала на тормоз. Но вместо того, чтобы остановиться, машина резко рванула вперед. Прямо на деревья.

Последнее, что я услышала, прежде чем меня проглотила вязкая и липкая темнота – это голос из динамика:

– Маша? Ты где?

Пробуждение было внезапным.

Никакой бодрости или прилива сил, как у меня часто бывает после сна. Наоборот. Я чувствовала вялость и такую невероятную усталость, что захотелось перекатиться на другой бок и снова уснуть.

Возможно, я бы так и сделала. Но внезапно ноздрей коснулся запах, которого в моей спальне быть не могло. Сырость и тухлость. Словно Зоя Ивановна – женщина, что два раза в неделю убирается в моем доме – забыла, что такое стирка, и как часто нужно проветривать помещение.

С трудом разлепив глаза, я уставилась вверх и зависла. На белом потолке растеклись черно-зеленые пятна, а вместо моей хрустальной люстры – ничего.

Меня топили, а я не в курсе? Соседи сверху затеяли ремонт? Кажется, пришло время позвонить консьержу.

Приподнявшись на локтях, я почувствовала, как голова наливается свинцовой тяжестью. С груди сползло грязное одеяло из красных лоскутков, открывая мое голое тело.

Односпальная кровать оказалась такой узкой, что непонятно, как я ночью не свалилась на пол. В углу комнаты расположился огромный сундук. А рядом с ним табурет, на котором лежало нечто, отдаленно напоминавшее женское платье.

Быстро облизав пересохшие губы, я судорожно вздохнула.

Квартира – если ее можно так назвать – не моя. Как я здесь очутилась – не ясно. А последнее, что всплывало в памяти – гипнотизирующий взгляд исполинского медведя.

Сильно напрягаться, к счастью, не пришлось. Воспоминания быстро слепились в четкую картинку. А за ней последовало осознание. Я попала в аварию.

Бегло осмотрела себя. На теле ни царапины, а значит отделалась ушибом головы. Меня, скорее всего, обнаружил кто-то из местных и притащил к себе. С минуты на минуту примчится скорая. Не нужно паниковать. А также думать о том, зачем меня раздели и куда подевались все мои вещи.

Ступая на цыпочках по холодному полу, я схватила с табурета платье и быстро натянула его на себя. Шерстяная ткань повисла мешком, царапая мою нежную кожу.

Затем метнулась к сундуку. С трудом приподняв тяжелую крышку, я едва не пустилась в пляс, обнаружив на дне плотные колготы и истоптанные башмаки.

Не успела я обуться, как дверь едва не снесли с петель. Она с грохотом ударилась о стену, а внутрь, без стука, ворвалась высокая рыжая женщина, в

таком же нелепом, как у меня платье.

– Ты еще не собралась, дрянь такая? Бока отлеживаешь, пока я спину гну? – ее голосок напомнил мне дятла Вуди. С крючковатого носа свешивалась мерзкая бородавка. Рот скривился в страшном оскале. А запах немытого тела разил наповал.

Вылитая Баба-Яга из детской сказки.

Резко замахнувшись, она ударила меня по плечу.

– Ай, больно же! – воскликнула я, уворачиваясь от очередного удара. – Кто вы такая вообще?

Мой вопрос застал ее врасплох. Застынув посреди комнаты, она захлопала глазами.

– Кто я такая? – с нескрываемым изумлением в голосе переспросила женщина.

– Да, и куда дели мою одежду? Я в аварию попала, а вы руки распускаете.

– Совсем ополоумела, дьявольское ты отродье? Мачеху свою не узнаешь? – и кто из нас двоих повредился головой? Я, или эта странная женщина?

– А скорая когда приедет? Мне врач нужен.

– Кнут тебе нужен, да покрепче! Жаль у меня времени нет реверансы разводить. Собирайся, давай, работа ждать не будет, – она толкнула меня к выходу, а следом бросила дырявую шаль. – Вернешься без денег, всю спину исполосую, да на мороз выгоню. Поняла?

Обычно я за словом в карман не лезла. Детство в приюте научило давать сдачи и не только словесно. А тут как почувствовала, что, если сейчас заикнусь о своем полушубке и дизайнерских батильонах, меня на месте прибьют.

Похоже, я попала к городской сумасшедшей. Но ничего. Главное на улицу выйти и поймать такси. А на нем сразу в полицейский участок. Пусть возвращают мои

вещи и снимают побои. Или побои не в участке снимают? Ладно, спрошу у таксиста.

Присмотреться к квартире у меня не вышло. Заметила только, что выглядела она, как избы на картинах, что висят в музее. И утварь не новее: масляные лампы, аляпистые занавески. А это что? Железный утюг?

Раритет... Похоже, она еще и воровка. Ничего, не долго ей на свободе куковать осталось.

- Да иду я, иду. Хватит меня толкать, - не выдержала я очередного тычка в бок и развернулась к ней лицом.

- Поговори мне еще! - ударом ноги распахнув входную дверь, «мачеха» толкнула меня в грудь и захлопнула дверь прямо перед моим носом.

- Вот... тварь, - захотелось пнуть по деревянной конструкции, но я быстро передумала. Не хватало мне разборок с этой ненормальной. Я еще от аварии не отошла.

Злость отступила. Больше из-за холода, что в секунду пробрал до костей. Пришлось завернуться в выданную шаль, хотя я планировала выкинуть ее в ближайшую урну.

- Эй, посторонись! - раздался за спиной мужской голос и мимо пролетела запряженная лошадью повозка.

Я едва успела отскочить и, не удержавшись на ногах, приземлилась в сугроб. А когда подняла голову, позабыла обо всем.

Глава 2. Внезапное пополнение

- Ваше благородие, вы поаккуратнее тут ходите, - раздался за спиной голос денщика. - Как морозец в убыль пошел сосулины с крыш падать стали. Давеча Гришку - повара, чуть не пришибло. Бог миловал.

– Давно бы уже залезли и посбивали, – рыкнул в ответ Мирон, чье настроение было изрядно подпорчено после утренней встречи с генерал-губернатором.

Петр Ефимыч Золотников только на портретах выглядел добрым дядюшкой с длинными золотыми усищами. Зато голос имел сильный, крикливый, а характер – дрянной, вспыльчивый.

Вот и сегодня вместо того, чтобы вызвать к себе обер-полицмейстера и высказать ему по поводу неудачной охоты на банду, что уже месяц разбойничает в городе, оторвался на главе сыска. Благо тот приходится ему родным племянником, а значит и церемониться ни к чему.

Войдя в дом, Мирон стащил с себя мундир и бросил его на софу. Затем прошествовал к лестнице. Но услышав раздающийся из обеденного зала детский голосок, напевающий бодрую песенку, резко остановился.

Нахмурившись, он задался вопросом, у кого из домашней челяди имеются дети или внуки, но так и не вспомнив, решил проверить сам.

За широким дубовым столом, вмещающим до нескольких десятков персон, на стуле, с заботливо подложенной бархатной подушкой, сидела маленькая девочка и ела кашу.

Ее по-детски округлое лицо обрамляли темные кудряшки. Нос пуговкой. Щеки розовые. Глаза большие, зеленые. И улыбка до ушей. Которая слегка померкла, стоило ребенку поднять взгляд на вошедшего в зал высокого, статного мужчину.

Уронив в тарелку маленькую ложку, девочка уперлась щечкой в пухлую ладонь и захлопала длинными ресницами.

– Доблый день! Не могли бы вы плетставиться? – пока она лепетала, коверкая буквы, во взгляде читалось неподдельное любопытство и нетерпение.

Мирону в жизни не приходилось общаться с детьми ее возраста – сколько ей, три... четыре? – но этому непосредственному созданию невозможно было сопротивляться.

Подойдя к столу, он сел рядом и отзеркалил позу ребенка.

– Меньшиков Мирон Александрович, – отчеканил он со всей учтивостью. – К вашим услугам, милая барышня. Позвольте узнать ваше имя?

Мужчина вдруг вспомнил, что у его горничной, Ольги Федоровны, несколько лет назад родился внук... или внучка. Он не уточнял. А значит, это вполне может быть сия девчушка.

– Я Полина Милоновна.

– Мироновна? Какое совпадение, – подивился он и тут же кивнул на кашу. – Вкусная?

– Ага. Тойко с комочками, а я их не люблю.

– Признаюсь вам по секрету, Полина Мироновна, – он наклонился к ней и зашептал, будто заправский заговорщик. – Я тоже не жалую кашу с комочками. Только бабушке не говорите.

Вместо того чтобы рассмеяться, как он надеялся, девочка смешно нахмурила маленькие бровки.

– А у меня нет бабу... – договорить она не успела.

В обеденный зал ворвалась Ольга Федоровна и, увидев хозяина дома, замахала руками.

– Мирон Александрович, слава богу, вы здесь! – на лице старушки читалась неподдельная тревога, а в руке был зажат белый конверт. – Тут такое дело...

Скрипнув сапогами по мозаичному паркету, Мирон поднялся на ноги, и навис над пожилой женщиной.

– Что произошло?

– Четверть часа назад прибыл мужчина. Одет как почтарь. А с ним девочка, – последнюю фразу она произнесла шепотом, кивнув на вновь увлекшуюся кашей малышку. – Передал письмо и собрался уходить, а когда я спросила, чей это ребенок, ответил, что...

– Что? – протянул Мирон, которого все эти долгие хождения вокруг да около, начали порядком раздражать.

– Сказал, что девочка... ваша, – Ольга Федоровна вручила мужчине конверт и, оставив его в одиночестве, отошла к Полине.

«Дорогой мой Мирон,

Если ты читаешь это письмо, значит меня уже нет среди живых.

Четыре года назад, когда ты решил, что нашим дорогам пора разойтись, я носила под сердцем нашу дочь, Полечку.

Решив не затруднять тебе жизнь, я ничего не сказала. За что так и не смогла себя простить.

Все эти годы Поля была мне единственной отрадой. Скрашивала полные одиночества дни. Но сейчас, когда болезнь взяла надо мной вверх, я поняла, что пора раскрыть тайну.

Такому маленькому человечку совсем не место в приюте. А кроме тебя у нее больше никого нет.

Молю, не оставь нашу доченьку в этот нелегкий час.

С бережно хранимой к тебе любовью,

Плесницкая Т.М.»

Не желая напугать маленькую девочку, Мирон сдержал рвущиеся изо рта проклятия. Вернувшись к письму, он перечитал его еще раз. Затем скомкал бумагу в ладони.

Вот так новости. Его дочь.

Плесницкая. Не та ли эта балерина, с которой они встречались около недели, а расстались из-за ее вечных капризов и недовольств?

Как же ее звали? Тамара... Татьяна? Точно! Татьяна Матвеевна Плесницкая.

Он переел взгляд на Полину, пытаясь разглядеть в девочке свои черты. Но кроме темного цвета волос ничего не находил. Зато в глаза бросилось небогатое платье и черные следы сажи на шее.

Может она пошла в мать? Какой та была? Вроде бы синеглазой блондинкой или зеленоглазой брюнеткой? Черт!

Мирон вдруг понял, что образ женщины стерся из памяти, не оставив никаких эмоций.

Повернувшись к горничной, которая, продолжая заламывать руки, с опаской косилась на мужчину, он кивком головы подозвал ее к себе.

– Ольга Федоровна, займите пока девочку. Мне надо кое-куда съездить.

– Танечка? – захлопала своими мелкими глазками директриса Большого театра, куда первым делом заехал Мирон. – Так она месяца два назад уволилась. Получила расчет и с тех пор ни слуху ни духу. А что случилось? Ее ищет полиция?

Немолодая, но усиленно молодящаяся женщина, представившаяся Варварой Марковной Гельцер, смотрела на Меньшикова снизу вверх, кокетливо играя зажатым в руке веером.

– К сожалению, это тайна следствия. Но вы бы очень помогли мне, если бы рассказали все, что вам известно о госпоже Плесницкой, – по дороге в театр, Мирон собирался уточнить только адрес проживания своей бывшей любовницы, но увидев в Варваре Марковне неиссякаемый источник информации, решил воспользоваться ситуацией.

– Я вряд ли смогу вам чем-то помочь, господин Меньшиков. Танечка запомнилась мне капризной, излишне балованной и очень закрытой личностью. Друзей в труппе не имела. И с нами ее связывали сугубо рабочие отношения. Звезд с неба она тоже не хватала. Талантом обладала посредственным. Из преимуществ – смазливое личико, но даже оно ее не спасало. Выше кордебалета она так и не прыгнула.

– А что-нибудь о личной жизни. Муж... дети?

– Замужем она не была. По крайней мере – два месяца назад, когда мы виделись в последний раз. Поклонников меняла как перчатки. Признаю. Каждое субботнее выступление получала букеты роз. Даже нашим примаам такие не снились, – Варвара Марковна мечтательно вздохнула и тут же нахмурилась. – Ах да, у нее есть дочь, Полечка. По поводу ее отца мне ничего неизвестно, но ребенка мы здесь видели часто. Во время выступлений она просила Алевтину Павловну, нашего костюмера, посидеть с девочкой. А если та не могла или отсутствовала – запирала малышку в общей гримерной. Я несколько раз просила ее этого не делать, и ответ был всегда один – «моего скромного гонорара не хватает на няnek». При этом платья носила не из дешевых. А украшения – какие даже я себе позволить не могу.

Мирон задумался.

Выходит, Татьяна продолжала менять покровителей, и те обеспечивали ее достойным содержанием. Почему же в письме она посетовала на «полные одиночества дни»? Боялась, что количество побывавших в ее постели мужчин как-то повлияет на его решение оставить при себе дочь?

Странная женская логика.

– Крайне признателен вам за помощь, госпожа Гельцер, – склонил голову мужчина. – У меня к вам последний вопрос. Вы случайно не знаете, где

проживает Татьяна?

– Вам повезло. Случайно знаю, – жеманно захихикала женщина. – Она оставила адрес, чтобы мы отправили ей нарочного с рекомендательным письмом. Я все записи храню в секретере. Ожидайте здесь.

Варвара Марковна, оставив Мирона у дверей своего кабинета, исчезла внутри. Но очень скоро вернулась, неся в руке клочок бумаги.

– Итальянская семь, квартира двадцать.

Еще раз поблагодарив директрису театра за помощь, мужчина вышел на улицу и поймал извозчика.

Роскошный внешний облик построенного в эклектическом стиле четырёхъярусного доходного дома, контрастировал с бедностью внутренней отделки. Запах гнили. Обшарпанные стены. Освещённые керосинками темные коридоры...

Мирон поморщился.

И в этом клоповнике Татьяна растила его дочь?

Квартира под номером двадцать нашлась быстро, но на стук, как и ожидалось, никто не ответил. Недолго думая, глава сыска сунулся к соседям напротив, и тут ему улыбнулась удача. Дверь открыл пышноусый господин, одетый в клетчатый пиджак.

– Глава сыскальной полиции Меньшиков Мирон Александрович. С кем имею честь?

– Паляцкий Алексей Николаич, – на провинциальный манер растягивая гласные, произнес мужчина. – Собственник этого дома.

– Какая приятная неожиданность, – произнес про себя Мирон, но господин Паляцкий, услышал его слова и нахмурился.

– А в чем, собственно, дело?

– Плесницкая Татьяна Матвеевна здесь проживает? – Меньшиков кивнул на квартиру напротив.

– Ах, Танечка, – печально покачал головой мужчина. – Вчера похоронили. Замечательная была барышня. Добрая, умная. Аренду никогда не задерживала. Гостей не водила. Чахотка никого не щадит.

Мирон сглотнул.

– Она жила одна?

– С дочкой, Полечкой. Перед смертью просила отправить малышку к отцу. Адрес дала и письмо для него. Кто-то из зажиточных, я не уточнял. Брата отрядил, он все сделал, как велели.

Через несколько минут, спускаясь по лестнице, Мирон принялся обдумывать свои следующие шаги.

Ежели – а это еще предстоит выяснить – Татьяна и вправду скончалась, узнать, его ли Полина дочь будет едва ли возможно. Но о том, чтобы отдать ребенка в приют не могло быть и речи.

За прошедшие пару часов он уже полностью сроднился с мыслью, что стал отцом трёхлетней девочки. И значит, первым делом нужно запустить процедуру удочерения, а вторым... найти малышке няню.

Глава 3. Вот это кино!

– Банда «котов» снова вышла на охоту. Ограблен дом княгини Ежелицкой!

– В театре Ермолова сегодня выступает столичная прима, балерина Гроцька!

– Сенсация! Страшный пожар в здании Генерального штаба!

Звонкие крики разносящих газеты мальчишек резали уши. По улице неслись запряженные лошадьми повозки, которыми управляли мужчины, как на подбор крепкие, в высоких шапках с желтыми лентами. Все без исключения прохожие щеголяли в одежде, что была на пике моды лет сто назад...

Почему никто не пялится в телефон? У меня лично руки уже зудели без привычного гаджета. А эти ходят себе. Либо молчат, либо беспечно беседуют друг с другом.

Впрочем, чему я удивляюсь? Это же Питер. Наверное, снимают какое-нибудь историческое кино. Успокойся, Маша. Нашла из-за чего паниковать.

Поднявшись из сугроба, я отряхнула от снега платье. Затем обмотала шалью голову и грудь, а концы завязала на поясе.

Главное, проскочить соседей и охрану дома. Тогда никто не обратит внимание на грязную оборванку. И уж точно не свяжет ее с известной инстамоделью и коуч-мотиватором Марией Вольновой.

Решив пройти закрытый для съемок квартал пешком, я отправилась в путь. Никто из пешеходов, как ни странно, не провожал меня удивленными взглядами. Вопросов «что я здесь делаю?» и «кто меня пустил на площадку?» тоже не задавали.

Все вели себя так, словно ничего необычного не происходит. И только я затравленно озиралась по сторонам, опасаясь очередного наезда.

Квартал шел за кварталом, улица за улицей, поворот за поворотом, а ничего не менялось. Что за кино такое кассовое, что полгорода под него отдали? И дома так быстро подретушировали. С них же каждый день куски плитки отваливались. Иногда даже на головы особо «везучим».

По-настоящему не по себе мне стало напротив дома под номером семнадцать, где по моему внутреннему навигатору должен был жить Славик. Вместо обычной

парадной, меня встретила огромная вывеска над дверью «Ресторанъ «Доминикъ». Вот так, с твердым знаком и закосом под старину.

Я с трудом сглотнула застрявший в горле ком. Огляделась по сторонам. Заметила стоявшего неподалеку мальчишку с газетами и рванула к нему.

Выхватив из его рук свеженапечатанный номер, поднесла его к глазам и вчиталась в дату.

“«Русскія Вѣдомости», Понедельник, 6 января, 1900 г.”

Сердце тут же застучало с бешеной скоростью. Голова закружилась, живот скрутило, а руки задрожали.

Все еще боясь отпустить последнюю надежду, я перевела взгляд на мальчишку, что, протянув руку, ждал оплаты.

– Малыш, а вы тут кино снимаете, да?

Складка между его бровями стала глубже.

– На голову ударенная? Какой я тебе малыш? – огрызнулся он. – Гони пятак, а то влеготку полицейских кликну.

– Не надо полицейских, – закачала я головой, возвращая ему газету. – На, возьми, нет у меня денег.

Резко развернувшись к нему спиной, я бросилась бежать.

Если это не сон, значит я в полной заднице.

А это точно не сон. Во сне у людей не ломит мышцы от боли, а тело не сковывает свинцовая усталость. По крайней мере, я не слышала ни об одном подобном случае.

Пока я бежала, не разбирая дороги, не смотря по сторонам и боясь сбавить темп, сама не заметила, как очутилась в каком-то пустынном дворе.

Пытаясь отдышаться, я затормозила и согнулась пополам. Это и стало моей критической ошибкой.

Разгоряченное после бега тело тут же пронзило холодом и меня начало колотить. Хорошо так. Душевно. Аж зуб на зуб не попадал.

Зато затупились почти все чувства. Включая те, что отвечали за адекватное восприятие действительности. Проще говоря – мне стало плевать на тот абсурд, в который я угодила. На первое место вышел инстинкт выживания.

Вдобавок к прочим несчастьям, от голода свело желудок. Из-за жесткой диеты я уже неделю нормально не ела, а сегодняшней стресс срочно требовалось чем-нибудь зажевать.

Тут я и учуяла сквозь запах навоза и сырости, пряный аромат корицы. Где-то совсем рядом находилась кондитерская или пекарня. А значит, мне туда.

Пошатываясь, я прошла между домами. Ориентируясь на шум, свернула за угол и очутилась в эпицентре столпотворения.

По кругу расчищенной площади были установлены крытые прилавки, что буквально ломались от избытка товаров: одежды, сладостей, игрушек, горячей пищи, домашней утвари. Покупатели, весело перекрикивая друг друга, торговались с продавцами. Дети катались с горки. Молодежь – на санях. Остальные окружали палатки, где шло кукольное представление и мини-спектакли.

На рынок данное место мало походило. Скорее на ярмарку. Но, по сравнению с теми, где мне случалось бывать, эта – намного масштабнее и веселее. Я бы, наверное, даже прониклась атмосферой... если бы не холод и периодически выводящий совсем не звонкие трели желудок.

Денег нет. Значит либо идти побираться, либо вспомнить нищее детдомовское детство и попробовать что-нибудь скоммуниздить.

Первый вариант долгий и сложный. К тому же я не знаю, как здесь относятся к просящим милостыню – одаривают монеткой или под белые ручки и в тюрьму. А значит...

Найдя глазами самый оживленный прилавок, где высокий бородатый мужчина в черном полушубке торговал плавающими в мутной воде яблоками, я двинулась к нему. Покрутилась, повертелась за спинами покупателей, затем дождалась, когда они отвлекут продавца своими вопросами, и сунула руку в бочку.

Схватить мягкое, моченое яблоко у меня получилось, а вот спрятать его в складках юбки – уже нет.

Мужик попался уж больно расторопный. Резко сцапал меня за локоть, вырвал добычу, бросил ее обратно в бочку, а меня толкнул.

Поскользнувшись на льду, я упала и охнула, больно ударившись коленом.

– Вот мерзавка, воровать у меня вздумала! Руки об тебя пачкать не хочу, а то бы по щам надавал. А ну подымайся, сейчас служивых кликну. Пушай сами с тобой разбираются! – он замахнулся, явно собираясь приложить меня тяжелой ладонью по голове.

Пытаясь защититься, я вытянула руки, и тут мой взгляд зацепился за их внешний вид.

Куда делся мой свежий европейский маникюр за десять кусков? Что это за грязь под ногтями? И почему кожа так шелушится?

Это стало последней каплей.

Из глаз бурным потоком хлынули слезы, участилось дыхание, бросило в дрожь и в груди закололо. Знакомые симптомы. Кажется, меня второй раз в жизни накрыло панической атакой.

– Ах ты упырь! Сволота! Чего злой как вурдалак? На девочку накинулся, – бросилась на мою защиту седовласая старушка. – А ты не плачь, болезная. Проголодалась небось? Айда, бабка Глаша тебя досыта накормит.

С этими словами, она помогла мне подняться. Утерла грязным передником мне лицо. Пригрозила кулаком бородатому мужику, что продолжал осыпать меня проклятиями, и повела к прилавку, рядом с которым кипел на костре огромный чан.

– Хватит слезы лить. Петро только пугать любит. Сам бы тебя и пальцем не тронул, – старушка завела меня через заднюю дверь в деревянное строение, где усадила на лавку и всучила полную до краев деревянную чашку. – Хлебай. Да смотри не пролей.

От горячей похлебки валил стойкий мясной аромат. Он щекотал ноздри и дразнил желудок, который это самое мясо уже два года в глаза не видел.

Вот как ударилась в веганство, так и завязала с животной пищей. Жалела коров, боролась в своем блоге за права свиней. А сейчас чувствовала, как рот наполняется слюной, и никакого стыда или отвращения.

За неимением ложки, я поднесла край миски к губам и начала пить, словно чай. Щурясь от восторга, когда попадались твердые комочки и по внутренностям растеклось блаженное тепло, согревающее каждую косточку в теле.

– Красивая ты девка, но какая-то бледная. Худющая. Платье мешком висит, – наблюдая за мной, покачала головой старушка.

– Простите, бабушка, я совсем не в ресурсе.

– Ась? – нахмурилась она и поднесла ладонь к уху. Я махнула рукой и продолжила наслаждаться похлебкой. – Вот и правильно. Ешь, милая.

– Спасибо, очень вкусно, – улыбнулась я ей.

Опустошив миску, я вернула ее хозяйке, а сама поднялась и застыла, не зная, что делать. В этой мини-избушке, несмотря на открытое окно, за которым начинался прилавок, было довольно тепло. А снаружи меня снова ждали холод, голод и неизвестность...

Верно уловив охватившее меня замешательство, бабка Глаша схватила меня за руку и вновь усадила на лавку.

- Откуда ж ты такая непутевая будешь?

- Даже если я вам скажу, вы не поверите, - грустно вздохнула я, опуская голову.

Рассказать хотелось. Поплакаться. Переложить свои проблемы на чужие плечи и просто уснуть. А когда проснусь в своем доме и собственной постели, узнать, что все сегодняшние события оказались страшным кошмаром. Или приходом от випассаны.

- А ты попробуй. Я много дивного за свою жизнь повидала. Меня мало чем удивить можно.

- Кажется, я у вас тут... из будущего.

Судя по вытянувшемуся лицу, старушка ожидала чего-то менее сверхъестественного. Вроде рассказа о сбежавшей от тирана невесте, или освободившейся из плена рабыне. Но довольно быстро взяла себя в руки и покачала головой.

- Не слабо тебя челом приложило, болезная, - она погладила меня по плечу, но осторожно. Как гладят незнакомую собаку, опасаясь, что та цапнет. - Как звать то тебя?

- Маша, - не сдержавшись, всхлипнула я.

- Эх, Маша, Маша... растеряша. Будем знакомы, что ли? Зови меня Глафирия Петровна. Родня-то у тебя есть? Или вся там... в будущем твоем осталась?

Последнюю фразу она произнесла насмешливо, не пряча от меня улыбку.

- Нет у меня родни, - отвернулась я к окну. - Ни в будущем, ни здесь. Я в аварию на машине попала. Очнулась сегодня утром в каком-то нищем клоповнике. А потом появилась рыжая тетка с бородавкой на носу. Сказала, что она моя мачеха. Избивать принялась, велела на работу идти и кричала, чтобы без денег

не возвращалась. А я не знаю, что за работа. Куда идти и что делать... Я даже как в ее квартиру вернуться не помню.

Пришел черед Глафирии Петровны тяжело вздохнуть и изумленно хлопнуть глазами. Но надо отдать старушке должное, справляться с эмоциями она умела.

– Дык, ты вроде не дитё совсем. Говоришь по-столичному, грамотно. Работу мы тебе быстро сыщем. Умеешь чего?

Я задумалась.

А действительно, что я умею?

Уйдя из приюта во взрослую жизнь, и получив от государства квартиру, я еще думала о том, чтобы найти работу. Видела себя репетитором по химии. Ведь со школы обожала этот предмет. А потом познакомилась со Славиком, увязла в тусовках, светской жизни. Начала вести блог, марафоны. Жила в моменте, гребя деньги лопатой и не задумываясь о будущем...

– Я – гуру, – наконец произнесла я, наблюдая за катящимися с горы детьми, что весело смеялись, толкая друг друга.

– Кура? – удивленно переспросила Глафирия Петровна.

– Гуру. Коуч-мотиватор. Учю людей жить в гармонии с собой и вселенной.

Старушка долго молчала, разглядывая меня со всех сторон. Затем пробормотала что-то похожее на «нездешняя что ли?», и, наконец, махнула рукой.

– Нет у меня тут гармонии. Поможешь пока похлебку покупателям разносить. Там посмотрим. Выручкой не обижу. А вот кровом обеспечить не смогу. Сама у дочки на кухоньке ютюсь на птичьих правах. Муж у нее помер, остались семеро по лавкам.

Обрадовавшись ее предложению, и решив, что до вечера еще далеко, что-нибудь придумаю, я, естественно, согласилась.

Глава 4. Какой еще жених?

Глафирия Петровна весь оставшийся день варила из заготовленных заранее ингредиентов свою вкуснейшую похлебку. Порция стоила две копейки – как я поняла, дешевле быть не могло – а потому недостатка в покупателях у нас не наблюдалось.

Основные клиенты – торгошаи по соседству. Но и без заезжих гостей дело не обходилось.

Моей работой было наполнять деревянный поднос мисками и аккуратно разносить их от одного ярмарочного домика к другому и обратно. Собирать монеты в карман выданного мне бабкой Глашей передника. И следить, чтобы не обсчитали.

Через час заныла спина. Дыхание стало сбиваться с ритма. Но спасибо моему фитнес-тренеру Аркаше и разработанной им программе тренировок, выносливость у меня была самой большой из силовых показателей.

Все вроде бы шло хорошо, но из-за надвигающегося вечера, и тех неприятностей, что он должен принести, внутри меня зрела жуткая тревога.

Не выдержав, я поинтересовалась у старушки, нет ли по близости дешевых гостиниц. Но, как выяснилось, из-за рождественских праздников, все постоянные дворы были забиты до предела.

И куда мне идти?

Прилавки, постепенно, закрывались. Люди расходились в разные стороны. Площадь начала пустеть. И чем больше, тем сильнее становилось мое отчаяние. А когда бабка Глаша выдала мне заработанные пятьдесят копеек и стащила с себя передник, меня вдруг осенило...

– Глафирия Петровна, а можно я в вашем домике на лавке переночую? Закроете меня здесь, а утром и ждать не придется. Я даже от выручки своей откажусь. Пожалуйста. Мне совсем некуда идти.

– Да кумекала уж об этом, – тяжело вздохнула старушка. – Но не мой это домик. Мифодий Кирилыч, хозяин ярмарки, нам их в наем дает. А по ночам его сторожа ходят тут... проверяют.

– А я тихо как мышка сидеть буду, – чуть не плача, взмолилась я. – А если кто-то войдет, скажу, что сама сюда залезла. Про вас никто плохого не подумает.

После продолжительной паузы, она, наконец, махнула рукой,

– Бог с тобой, оставайся. Шаль тебе свою отдам, чтобы не замерзла совсем. Спрячься только поглубже, а то...

Дослушать ее наставления я не успела. На плечо легла чужая ладонь и слегка потормошила.

– Машка! – раздался за спиной звонкий мальчишечий голос. – А ее везде ищу, а она на ярмарке развлекается.

Резко обернувшись, я уставилась на пухлощекого парнишку лет четырнадцати, у которого из-под черной шапки выглядывали рыжие кудри.

Сотни вопросов промелькнули в голове. От самого простого: кто он? К сложному: откуда знает мое имя?

Пока я удивленно хлопала глазами, Глафирия Петровна выступила вперед.

– А ты кто такой будешь?

– Братишка я ее меньшей, по отцу, – не смутился малец.

– Маша, чего он мне зубы заговаривает? – повернулась она ко мне. – Ты же молвила, нет у тебя родни.

Вот тут передо мной встала дилемма. Откреститься от родственников уз и остаться в холодной избушке метр на метр, откуда среди ночи могу выселить сторожа? Или пойти с этим мальчишкой к той бородавчатой Бабе-яге, отдать ей

заработанные за день копейки и лечь спать в пух и воняющую клопами, но теплую кровать?

– Машка, айда домой, – снова схватил меня за руку «братец». – Там маменька рвет и мечет, жених твой приперся!

Это еще что за новости? Какой такой жених?

Ни предстоящая встреча со злобной мачехой, ни знакомство с неизвестным женихом не смогли повлиять на мое решение, провести ночь в более-менее просторном и отапливаемом помещении. А потому, пообещав Глафирии Петровне, что вернусь завтра утром, я, вместе со своим «братцем» отправилась в путь.

Ноги, после тяжелого рабочего дня, гудели невероятно. А проезжающие мимо экипажи и повозки, так и манили отдать последнее заработанное и прокатиться с ветерком. Но стоило представить, какой скандал последует, явись я без гроша в кармане...

Да ну его, лучше потерплю!

Идущий рядом мальчишка трещал без умолку. Только темы были для меня совсем не интересные. То друг у него ерша с аршин длиной сегодня поймал, то какая-то Мария Ивановна вкусными блинами угостила.

Хотелось перебить и задать уже более насущные вопросы – про него, про мачеху, про непонятого жениха, а самое главное, про Машку, в тело которой я, по всей видимости, вселилась.

Впрочем, о последнем вообще думать не хотелось. Я даже у бабки Глаши зеркало просить не стала. Боялась, погляжу и все – новая паническая атака, инфаркт, остановка сердца... Лучше доберусь до дома, останусь одна и испытаю судьбу.

– ... Малую конюшенную перекрыли. Весь город гудит.

- Что? – вернувшись в реальность, переспросила я.

- Говорю, банда «котов» снова объявилась. Княжий дом обнесли. Все цацки поворовали и деньги из сейфу, – выпучив от восторга глаза, вещал парнишка.

- Кажется, что-то такое я сегодня слышала, – нахмурилась я. – Снова объявились?

- Да они уже месяц как в городе делишки промышляют. Раньше через день знать грабили, а потом на неделю затихарились. Думали, в столицу мож свалили. А они снова-здорово.

- А полиция чего?

- А ничего. Шашками только трясти умеют, да за уши таскать, – паренек потер озвученный орган, давая понять, что заключения почерпнуты из личного опыта. – Пусть бы лучше не поймали их никогда. Все равно от этих арастикратов не убудет.

- Аристократов, – машинально поправила его я. – И что это еще за романтизация бандитизма? Тебя мать не учила, что воровать – не хорошо?

Черт, как же его зовут? И ведь не спросишь прямо. Решит, что сошла с ума и матушке своей разболтает.

- Не хорошо, – насупившись, согласился мальчик. – Но коты добрый люд не трогают. Только богатых обносят.

- И отдают все честно награбленное бедным?

Он замялся.

- Нет конечно. Не дураки же.

- Ну и чем они лучше этих богатых? Я-то уж решила, там «робингуды» местного разлива...

- Кто? - паренек от удивления приоткрыл рот.

- Забей, - махнула я рукой. И тут же перевела тему. - Долго еще до дома? Ноги устали.

- Да вот же он, - кивнул паренек на потрепанное двухэтажное здание.

Утром, из-за раздрая, я его разглядывать даже не пыталась. Зато сейчас запоминала каждую деталь.

Выцветший рыжий кирпич когда-то давно был увит густым плющом, от которого сейчас остались только сухие ветки. Ставни на окнах почти везде заколочены. А деревянная дверь, казалось, дунешь - упадет.

Но вошли мы не через нее, а ту, что находилась неподалеку и больше напоминала подвальную.

Малец постучал. Раздался скрип. Высунулась посеревшая рука и схватила его за ухо.

- Ай, мамка! - завизжал он на всю улицу.

- Лешка, охламон этакий! - значит, Алексей. Запомним. - Ты где ходил столько времени? Только за смертью посылать! Нашел?

- Нашел, - продолжал ныть «братец».

Голос Бабы-яги был так сильно пропитан злостью, что я не спешила показываться ей на глаза. Но ее сынок быстро заложил меня, ткнув пальцем.

- Вон она стоит. На ярмарке отыскал.

- Ох и стерва! Мы с Пал Сергеичем ее ждем, а она по ярмаркам скачет!

Не успела я поинтересоваться, что там еще за Пал Сергеич нарисовался, как эта ведьма, выскочив на улицу в своем мешковатом сером платье, схватила меня за

локоть – спасибо хоть не за волосы – и потащила внутрь.

Лешка, проводив жалостливым взглядом, быстро испарился где-то в недрах небольшой квартирki. А я, едва переставляя и без того ноющие конечности, влетела в свою комнату и чуть не распласталась на пыльном полу.

– Только не бейте меня, я не с пустыми руками! – выхватив из кармана копейки, принялась ссыпать их на кровать.

В голову тут же полетел ворох одежды, состоящий из юбки, платья – чуть новее того, что было на мне – и штопанных колготок.

– Умывайся, – вполголоса прошипела женщина и кивнула на табурет, поверх которого устроился таз с водой. – Переоденешься и живо на кухню. А вздумаешь задерживаться – не посмотрю на гостя, за лохмы оттаскаю!

Сдунув упавшую на лицо рыжую прядь, она окинула меня полным ненависти взглядом, и выскочила за дверь.

Умываясь резко пахнущим куском коричневого мыла, в отдающей тиной холодной воде, я грустно вздыхала по собственной душевой, и молилась, чтобы под утро кожа не превратилась в наждак.

Впрочем, какая разница? Тут бы понять куда я попала и как из этого всего теперь выбираться. А не переживать по пустякам.

Промокнув лежащей рядом серой тряпкой лицо, я подошла к сундуку. Приоткрыв крышку, осветила лампой и вытащила обнаруженный еще утром деревянный гребень без пары зубчиков. Затем огляделась в поисках зеркала.

Оно нашлось висящим на стене у окна. Небольшое, округлое, со сколотыми краями. Ничем не примечательная вещица, при взгляде на которую меня охватил панический страх.

Собрав всю волю в кулак, я сделала несколько шагов, встала напротив и резко подняла голову. А затем шумно выдохнула, разглядывая в нем... себя.

Либо мы с Машей из этого времени были дальней родней, либо – астральными близнецами. По-другому то, что я видела, не объяснить. Те же черты лица, глаза, нос, губы. Ничего не изменилось. Та же темная копна волос, собранная еще утром в высокий узел.

Распустив его, я принялась разглаживать пальцами пряди, которые даже без дорогих шампуней и кондиционеров смотрелись достойно.

Настроение резко скакнуло вверх. И словно второе дыхание открылось.

Жить можно. Выдыхаю.

Ставив с себя платье, в котором провела весь сегодняшний день, я быстро переделалась в новое. Пригладила руками складки юбок, похлопала себя по щекам и отправилась знакомиться с женихом.

Кухня, в этой маленькой квартирке нашлась очень быстро. По запаху жареной рыбы и несмолкающей ведьминой трескотне. За круглым деревянным столом сидело две фигуры, что при виде меня резко замолчали.

Не знаю, к чему я готовилась, что представляла, но оценив все «достоинства» Пал Сергеича, не сдержалась.

– Капец.

– Все верно, милая Мария Андревна... Капец Пал Сергеич. К вашим услугам, – картавя проговорил совсем не старый бородатый карлик. Затем закричал и стал сползать со стула.

Меня перекосило.

Дело было не в его росте. И не в проплешине. И уж точно не сизом носище, что свешивался на пол-лица. Меня сразил стойкий запах пота и резкого одеколona, что, смешавшись, сбил бы с ног даже вчерашнего медведя.

Добравшись до пола, Пал Сергеич встал передо мной, прижал ладонь к груди и склонил голову. Не зная, как ему ответить, то ли руку пожать, то ли в реверансе

растелиться, я выбрала нечто среднее: развела в воздухе ладонями и поклонилась.

Бросив косой взгляд на мачеху, и заметив ее поджатые губы, поняла, что налажала. Но жених, словно не заметив оплошности, принялся отодвигать для меня стул.

– Присаживайтесь, Мария Андревна. Попьете с нами чаю? Ваша маменька испекла вкуснейшее печенье, – услышав об угощении, я чуть в пляс не пустилась.

За целый день в моем желудке побывало всего две миски похлебки. Так что я бы сейчас даже от ненавистной жареной рыбы не отказалась. Только вот предлагать мне ее никто не собирался.

А жаль.

Сев за стол, я сложила ладони на колени и принялась ждать, когда ведьма наполнит мою чашку. Рот открывать не спешила. Сами позвали, пусть вводят в курс дела.

Первым, прочистив горло, заговорил Пал Сергеич.

– Я уже давно ждал нашей встречи, Мария Андревна. Молил Анастасию Кузьминишну, – он кивнул на ведьму, – поскорее все обстряпать и свести, наконец, вместе две заблудшие души. Слышать о вашей красоте, и не иметь возможности ее лицезреть. Это ли не мука?

Да ему впору стихи писать, вон как складно сочиняет. Впрочем, может он и есть... поэт? А чего так покраснел? В чай что-то подлили? Или пришел просить руки и волнуется?

– Дорогой Пал Сергеич, – принялась ковриком стелиться мачеха. – Вы не смотрите, что Машенька молчит. Она у меня девушка скромная, стыдливая. Как узнала о сватовстве, так взволновалась...

Еле откачали.

Пока эти двое соревновались в словоблудии, я стащила с блюда печеньку и засунула целиком в рот. Ведьма зыркнула, но промолчала. Да так красноречиво, что стало ясно, будь мы одни, по рукам бы отходила.

Пал Сергеич, между тем, продолжил заливаться соловьем.

– Вы само очарование, Мария Андревна. Прекрасная, как картинка.

– Спасибо, – вымучила я улыбку. – Вы тоже... ничего.

Внезапно под столом больно прилетело по ноге, заставив меня выпрямиться.

– Ну, раз знакомство состоялось, предлагаю обсудить грядущую свадьбу, – едва не потирая руки, объявила Анастасия Кузьминишна.

подавившись остатками печеньки, я громко закашлялась. Пал Сергеич потянулся своей маленькой ручкой, чтобы постучать мне по спине, но не достал.

И слава богу.

– Свадьбу? – переспросила я, когда смогла, наконец, вздохнуть.

– Ну не прекрасная ли новость, Мария Андревна? – засветился лампочкой жених. – Мой папенька уже обо всем договорился. Через неделю обвенчаемся, и сразу переедем в наш семейный дом. Он намного просторнее вашей квартирки. Я уверен вам понравится.

– А как же я замуж... без приданого? – притворно взгрустнула я, прощупывая почву.

– Пал Сергеич человек щедрой души! – погрозила потолку пальцем мачеха. – Ему и приданое твое не нужно. Он сам за тебя мне телегу свежих овощей готов отдать.

Отлично. Меня продали за мешок картошки. Так, а спросить? Что это еще за произвол?

Естественно, вслух я возмущаться не стала. За ведьмой не заржавеет выгнать меня среди ночи на мороз. Да и неделя срок не маленький. Что-нибудь придумаю. А пока...

Улыбаемся и машем.

Глава 5. Хочешь жить – умей втереться

Утро, полностью отражая мое внутреннее состояние, выдалось серым и неприветливым. Над городом стоял густой, как кисель туман, сквозь который еле пробивался свет фонарей. Ноги, в старых ботинках, скользили по льду. Холодный воздух, через дырявую шаль, проникал до самых костей.

Увязавшийся за мной Лешка, которому я успела рассказать о подработке у бабки Глаши, разбавлял тишину своей болтовнёй. А я кивала невпопад, растворившись в собственных мыслях.

Вчера, распрощавшись с Пал Сергеичем, Ведьма Кузьминишна ещё долго рекламировала мне плюсы замужества.

И дом-то у него большой. И папенька богатый. Из Капец какого древнего рода-племени. Как сыр в масле кататься буду. По утрам икорку на хлеб мазать и кофе запивать.

Кофе – это конечно хорошо. Даже отлично. Но я ещё не так сильно отчаялась, чтобы ради него, за картавого карлика с сизым носом замуж идти. Правда мачехе об этом знать не обязательно. Поэтому я кивала, соглашалась, что да, повезло аж мочи нет. А сама всю ночь ворочалась с боку на бок, пытаюсь придумать, как с этого дна выбираться на берег.

Стабильной работы с высоким окладом у меня нет. Денег для аренды даже самой обшарпанной комнатухи тоже. Чтобы начать все с нуля, мне нужен стартовый капитал. Но вряд ли какой банк согласится дать кредит нищей девушке, у которой ни документов, ни недвижки для залога.

Отложив в самый дальний ящик не самую гуманную идею – выйти замуж и быстро овдоветь, я огляделась по сторонам и поняла, что мы с Лешкой почти пришли.

– Помогать останешься?

– Не, у меня дела, – покачал он головой. – Вечером забегу.

– И куда ты собрался? – любопытствовала я, не понимая, какие дела могут быть у ребенка четырнадцати лет помимо школы.

Мальчишка замялся.

– На фабрику надо сбегать, – махнул он рукой и прежде, чем я успела задать еще больше вопросов, прошмыгнув мимо, исчез из виду.

Врет. Как пить дать врет, но это может подождать. Вот разберусь со своими проблемами и начну совать нос в чужие.

Ярмарка постепенно оживала. Продавцы раскладывали на прилавках товар. На кострах готовили еду. Ставили палатки, вокруг которых собирался народ.

Все суетились, кричали, здоровались. И только я брела вперед, опустив голову и чувствуя на плечах тяжесть всего мира.

Внезапно в лицо прилетел клочок бумаги. Поймав его и развернув, я внимательно вчиталась в напечатанный текст.

«Сенсація! Сенсація! Сенсація!

Токмо сегодня, у палаты №4 несравненная предсказательница Дилайла проведеть

спиритическій сеансъ.

Ожидается: гадание на картах Таро, чтение будущего в хрустальном шаре и призывы духов.

Количество билетов ограничено. Спешите купить!

Цена: 30 коп.»

Найдя глазами палатку, где должен был проходить сеанс, я удивленно охнула. У входа мялось несколько десятков человек, а еще столько же окружили будку, где продавались билеты.

И это с самого утра, когда гостей еще толком нет? Представляю сколько их тут к обеду будет или к вечеру? А если эти сеансы проводить каждый день? Это же сколько денег...

Разрозненные мысли в голове стали потихоньку складываться в одну грандиозную идею, что угрожала разорвать меня на миллионы частей.

– Глафирия Петровна! – воскликнула я, подбегая к разжигающей под чаном огонь старушке. – Глафирия Петровна, нам нужно срочно поговорить!

– Машка, в тебя будто бесы вселились, – перекрестилась бабка Глаша. – Чего так разошлась?

Я медленно перевела дыхание, вспоминая техники прогрева из своих инстамарафонов.

– Глафирия Петровна, ответьте мне на вопрос – вы живете жизнью своей мечты?

– Эээ, чаво? – нахмурившись переспросила старушка.

– Вам нравится ваша жизнь?

– Ну дык, не жалуюсь.

- А хотели бы жить еще лучше?

- Лучше? Ну если токмо дом нам с дочкой побольше. Да скопить деньжат, чтоб было что внукам оставить. Эх, мечты! - махнула она рукой.

- Глафирия Петровна, а что, если я вам скажу - мечты сбываются? Все и у всех! Что бы вы не задумали, вы можете этого достичь. Но только, если действительно захотите.

- Это как же? - заинтересовалась она.

- Станьте моим ассистентом.

- Ась?

- Помощницей моей. Правой рукой, - улыбнулась я и, размахивая руками, принялась объяснять. - Только представьте, сколько мы сможем заработать, не потратив ни копейки! Вернее, несколько копеек потратить придется. Но я все верну в стократном размере! И так, нам нужны листовки, несколько мальчишек-газетчиков и ваша дочь. Ее же здесь никто не знает?

Бабка Глаша отрицательно качнула головой.

- А Оленька тут при чем?

- При том, Глафирия Петровна, что нас всех очень скоро ждет светлое будущее. Где деньги, золотой жилой, потекут в наши карманы.

- И что же это за жила такая, Машенька?

- Бизнесмарафон называется.

Развивать бурную деятельность я умела всегда.

Организовывать, координировать работу, руководить. Мой продюсер Славик называл этот набор – лидерскими качествами, а мои конкуренты и завистники – задатками прожженной аферистики.

Впрочем, как волка не назови, он волком и останется. А потому, я не обращала ни на кого внимания и шла напролом к намеченной цели. Вот и сегодня так получилось, что уже к вечеру большая часть мною задуманного была реализована, и дело оставалось за малым... получить результат.

Написанные от руки листовки – на типографию у Глафирии Петровны денег не хватило – были еще в обед розданы мальчишкам-газетчикам, которые за умеренную плату, согласились распространить их среди покупателей.

Арендовать палатку у хозяина ярмарки тоже оказалось не проблемой. За пару часов Мифодий Кирилыч попросил рубль, и согласился подождать с оплатой до завтрашнего утра.

А Ольга Ивановна, дочь Глафирии Петровны, как услышала, сколько денег сможет заработать с одного выступления на моем мастер-классе, уже через полчаса знала весь свой текст наизусть.

Чтобы выглядеть достойно, мне пришлось ненадолго сбегать домой. Переодевшись во вчерашнее платье, в котором встречала жениха, я навела порядок на голове, сперла у занятой готовкой ведьмы новую шаль и более-менее приличные ботинки. Затем вернулась на ярмарку, засела в палатке и... стала дожидаться первых клиентов.

Меня трясло.

От страха, что ничего не выйдет. От волнения, что, если не выйдет, я подставлю милую старушку, не оставившую меня в беде. От отчаяния, что, если подставлю, останусь без работы и придется идти замуж. А замуж ну очень не хотелось.

– Барышня? – раздался в палатке грубый мужской голос. – Это тута богатым стать помогут?

Склонившийся надо мной седой великан сунул мне под нос написанную моей же рукой листовку, текст которой я слегка сплагатила у предсказательницы Дилайлы:

«Сенсація! Сенсація! Сенсація!

Токмо сегодня вечеромъ, у палаты №12, несравненная гуру и коучъ-мотиваторъ Мария проведетъ мастеръ-классъ «Денегъ в обилие не бываетъ».

Ждемъ вс?хъ, кто хочетъ стать усп?шнымъ и богатымъ.

Входъ бесплатный»

Подскочив с табуретки, я быстро вытерла вспотевшие ладони о юбку платья.

– Тута... тьфу ты! Тут, да, – закивала я и указала на один из свободных стульев, что мы с бабкой Глашей одолжили у ее знакомых торгашей. – Проходите, присаживайтесь. Сейчас соберутся остальные и начнем.

Сердце заходило в частом стуке, наблюдая как за первым гостем тянется цепочка из мужчин и женщин. Очень быстро сидячих мест в палатке не осталось, но это никого не оттолкнуло. Люди начали рассредотачиваться у стен, а затем и вовсе забили все пространство.

Яблоку было негде упасть, не то что протиснуться к импровизированным подмоткам, где стояли мы с бабкой Глашей.

– Боже, Машенька. Откуда их столько? – шепнула мне на ухо испуганная старушка.

– А это, Глафирия Петровна, халява животворящая. Восьмое чудо света, – она удивленно зыркнула, но ничего не ответила.

Из толпы начали раздаваться шепотки недовольных теснотой гостей, услышав которые, я решила поторопиться и выступила вперед.

– Гости дорогие, раз вы все здесь собрались, я готова начать. Для начала, позвольте представиться, меня зовут Мария Андреевна Вольнова. Но вы можете звать меня просто – гуру. Я счастлива приветствовать вас на бесплатном мастер-классе «Денег много не бывает», – сделав короткую паузу, я расплылась в лучезарной улыбке, и обвела максимально теплым взглядом хмурые лица всех присутствующих. – Начнем мы с вопроса, который каждый должен задать себе сам – чего вам не хватает для жизни вашей мечты?

Тишину прорезал тихий ропот.

– Вы удивитесь, но я знаю, что ответило большинство из вас – вам не хватает денег. Кому-то, чтобы купить большой дом, где он смог бы поселить свою семью. Кому-то, начать дело, что приносило бы ему стабильный доход. А кому-то, чтобы поднять на ноги детей и внуков. Скажите, разве я не права? – ответом мне стало не очень дружное «верно» и «так». – Когда-то я тоже была среди вас и задавалась таким же вопросом. Где найти денег? На что мне жить? Расскажу немного о себе. Я сирота. Родилась и выросла в этом городе. Жила в приюте и долгое время понятия не имела, как сложится моя жизнь. Пришлось пройти и огонь, и воду. Буквально прогрызая себе путь наверх. С семи лет я работала, чтобы содержать себя... друзей... соседей... кошечек... – так, меня, кажется, куда-то заносит. – Сейчас перед вами стоит женщина, что сделала себя сама. Закалила характер. Научилась открываться вселенной. Я знаю, как зарабатывать много не перетруждаясь. Знаю, как сделать так, чтобы все мои желания исполнялись. Я живу в мире с собой. Живу жизнью своей мечты.

– Як же ты богатая? Ты ж мне вчера похлебку приносила? – прищурилась на меня с задних рядов пожилая женщина в цветастом переднике.

– Вы меня с кем-то путаете, уважаемая, я только сегодня утром с Баден-Бадена вернулась, – быстро затараторила я, поворачиваясь к ней полубоком. – Месяц там отдыхала, устала. По родине соскучилась. Я вообще часто по миру катаюсь. Знакомые дивятся, откуда деньги? Умоляли меня устроить семинар, рассказать, как достичь такого же успеха. Буквально на коленях стояли. Я долго думала, конечно. Но сегодня все сомнения испарились. Если те, кто собрался здесь готовы пройти этот семинар до конца, хотят научиться быть богатыми и улучшить свою жизнь, кто я такая, чтобы лишать вас этого шанса?

– Пряма-таки и научишь? Дитя-дитем, молоко на губах не обсохло! – снова выступила эта неугомонная женщина, что признала во мне продавщицу похлебки.

– Я понимаю ваш скепсис, но мне есть чем вам ответить, – настал черед прогрева через персонажа, и я незаметно дала команду Глафирии Петровне быть готовой задействовать дочь. – Это не первый мой семинар. Я уже проводила подобные. И так вышло, что сегодня в городе проездом одна из моих прошлых учениц. Ольга Ивановна, выйдите к нам.

Бабка Глаша, протиснувшись к выходу, вывела за руку свою дочь, статную блондинку с собранными в пучок волосами. В одолженной у знакомых в театре соболиной шубке она запросто походила на урождённую графиню. А по гордому взгляду, который мы репетировали около часа, так вообще на королеву.

Встав рядом со мной, она плотнее укуталась в реквизит и, заливаясь слезами, принялась вещать слезливую историю о раннем вдовстве, куче детей и посланной небесами встрече со мной.

Я же, видя, как хмурые лица гостей постепенно вытягиваются и меняются на заинтересованные, чувствовала, как по венам растекается истинное счастье...

У меня получается!

– А сколь стоит этот ваш семинар? – опять влезла эта настырная цветастая особа.

Я тихонько вздохнула и выступила вперед.

– Курс будет длиться месяц. Встречаться мы будем три раза в неделю, по вечерам. Так что от основной работы он вас не оторвет. За это время я научу вас монетизировать свою экспертность. Заземляться и проживать свой опыт. Мыслить позитивно. Покажу вам, как можно загадывать желания так, чтобы они исполнялись. Подниму вашу самооценку. Направлю к успеху! Главное помните, вы все особенные. Все уникальные, как цветы. Вас просто нужно немного полить. И стоит этот полив будет двадцать рублей, – чтобы задавить в зародыше зарождающийся бунт, я быстро подняла вверх обе руки, призывая

собравшихся к тишине. – Оплачивать можно по частям. За неделю вперед. Неделя стоит пять рублей и, если вам вдруг что-то не понравится, вы всегда можете уйти, не оплачивая оставшееся время. Условия замечательные, ведь вы тратите столько, сколько хотите.

– Двадцать рублёв? – женщина все не унималась. – И это шо же, все желания исполнятся?

– Я научу вас их загадывать так, чтобы исполнялись.

– А ну покажи. Загадай желание, а мы посмотрим, – все дружно закивали, и дамочка, почувствовав поддержку, расплылась в ехидной улыбочке.

Ха, не на ту напала!

– Желания не могут исполниться здесь и сейчас, по щелчку пальцев. Это долгий процесс, и он требует определенных усилий, которым я вас обучу. Если вам в текущем состоянии дать все, что вы хотите, вас просто разорвёт на части. Вам же это не нужно?

Люди, испугавшись внезапного взрыва, сделали шаг назад и закричали «нет».

– Ты шарлатанка! Сказки тут рассказывать вздумала. Денег с нас стрясти, – принялась брызгать пеной не на шутку разозлившаяся женщина. – Да я сейчас служивых кликну. Место тебе в тюрьме!

Нельзя сказать, чтобы я удивилась. Даже онлайн марафоны не уберегали от таких буйных личностей, что уж говорить о ситуации, когда агитируешь людей стоя к ним лицом? Благо, именно для этой цели, я выпросила у бабки Глаши целый рубль и пообещала его двум слонявшимся по ярмарке качкам, что сейчас охраняли вход.

Щелкнув пальцами, чтобы привлечь их внимание, я кивнула на дамочку, которую эти парни тут же окружили, зажали с двух сторон и, под ее невнятные проклятия, выволокли прочь из палатки.

– Простите, – я растянула губы в одной из самых сладостных своих улыбок. – Это была исключительная мера. Не люблю, когда меня оскорбляют. Ведь я ничего ни с кого не стрясываю. Все сугубо индивидуально. Не хотите – можете уйти. А все желающие действительно озолотиться, записывайтесь на семинар у моей помощницы Глафирии Петровны. Но имейте в виду, набор будет всего один. Мест на курсе мало. Вас много, а я одна.

– А ежели денег сейчас нет? – поднялся тот самый великан, что пришел первым.

– Первый урок пройдет завтра, тогда же можно и оплатить за первую неделю. Буду ждать вас здесь в это же время. Поверьте, вы не пожалеете. Ведь перед вами лидер самого успешного успеха среди всех успешных лидеров лидерского успеха!

Глава 6. Я все равно тебя поймаю!

– «Высокий мужчина выстрелил в лавочника из револьвера. Затем скрылся в неизвестном направлении. Раненый благополучно скончался», – зачитывая вслух полученный еще утром рапорт, Мирон прилагал невероятные усилия, чтобы не скрипеть зубами. Выходило с трудом. – У меня всего один вопрос, что за олух это написал?

Сидящие за длинным овальным столом десять полицейских надзирателей втянули головы в плечи и переглянулись. Никому не хотелось попасть под горячую руку начальству. Тем более, когда у этого самого начальства на лице явственно читалось желание кого-нибудь придушить.

Совещание сыскного отдела только началось, а настроение у Мирона уже было ни к черту. И все из-за очередной беспокойной ночи, причиной которой была его меньшая забота.

Полина Мироновна в незнакомом доме боялась засыпать одна.

Достойную няню, что подошла бы и девочке, и ее отцу, до сих пор не подобрали. На плечи горничной Ольги Федоровны и так свалилось много лишних

обязанностей, чтобы добавлять к ним дежурства у Полиной кровати.

Вот и приходилось Меньшикову, возвращаясь поздно вечером с работы, ночевать в сооруженной на скорую руку детской. Да не лежа в мягкой постели, а сидя в неудобном кресле, после которого на утро нещадно болела спина.

Необходимо было срочно спасать положение и что-то делать, но рабочие будни главе сыска никто не отменял.

Из-за стола, нервно кусая губы, поднялся долговязый парень в круглых очках.

– Ваше благородие, моё это. Виноват, – наклонив голову, он замолчал, ожидая неминуемой выволочки. Но ее, как ни странно, не последовало.

Проглотив рвавшиеся наружу злые слова, Мирон вернул рапорт подчиненному.

– Сейчас же перепишите, Назаров. И если я снова увижу нечто подобное, лишитесь места, – встав со стула, он прошел к окну, выходящему на оживленную Офицерскую улицу и, скрестив руки на широкой груди, повернулся к нему спиной. – Что по поводу ограбления дома ее сиятельства, Егор Николаевич?

Обратился он к самому старшему из сыщиков. Крепкому, усатому мужчине в синем мундире, который уперся ладонями в деревянную столешницу и медленно поднялся с места.

– Ваше благородие, эти коты, будь они неладны, там такой беспорядок учинили, и все заради сейфу. Народу в доме – тьма-тьмущая, а никто их не видел. Что точно в том сейфу лежало – не знают. Влеготку вошли и вышли, с ящиком-то. Когда мы поняли что к чему, кинулись в погоню, а уже поздно... – развел он руками. – Темнота на улице. Снег. Все следы, что были, впопыхах потерялись. Упустили возможность.

– Следы уничтожены, зацепок и улик нет. Блестящая работа, Егор Николаевич, – невесело хмыкнул Меньшиков. – Никогда не упустите возможность упустить возможность.

– Ваше благородие, да поймаем мы их, беспризорников этих. Никуда не уйдут! Мальчишки безродные. Недолго им куковать...

– Эти «беспризорники», как вы их называете, уже месяц терроризируют город, пока вы мне зубы заговариваете, – прорычал резко напрягшийся мужчина. В помещении тут же образовалась гнетущая тишина. – Итак, с этого дня я беру под свой личный контроль все дела, связанные с бандой «котов». Егор Николаевич, жду вас через два часа со всеми бумагами. Осенников, задействуйте летучие отряды. Пусть обходят улицы, гостиницы, рынки. Ловят и допрашивают всех подозрительных празднующихся. Константинов, узнайте, что хранилось в сейфе и привлечите ломбардные отряды. Пусть ищут краденное. А сейчас...

Не успел Мирон договорить, дверь в его кабинет резко отлетела к стене и внутрь вбежал его запыхавшийся помощник.

– Ваше благородие... Мирон Александрович... – Елисей ткнул пальцем в проем. – Там... там...

Внезапно, этот самый проем заполнился тремя дородными женщинами среднего возраста, которые, не умолкая, кричали и размахивали кулаками.

– Аферистка... мошенница... немедленно арестовать!

– Плутовка... целых двадцать рублёв... казнить ее мало!

– Шарлатанка... откуда только выискалась?

Сжав пальцами мучительно пульсирующие виски, Мирон шумно выдохнул и поднял на посетительниц тяжелый взгляд.

– С кем имею честь говорить? – так громко гаркнул он, что все три барыни тут же замолчали.

Вскоре, правда отмерли и одна из них, самая смелая, в цветастом платке и пестром полушубке, уперла руки в бока и вышла вперед.

– Дилайла Михайловна Жемчужная, – напевно произнесла она свое имя. – С ярмарки мы к вам, на Троицкой которая.

– Чем обязан? – Меньшиков даже не пытался скрыть сквозящее в голосе неудовольствие.

– Дык плутовка хитрая у нас на рынке завелась. Клейма ставить негде! – зло процедила одна из товарок Дилайлы Михайловны. – Ефросинья Андревна Золуйская я. Пирогамы поторговываю. Всех заказчиков из-под носа, мерзавка, уводит. Людей учит скряжничать, копейки откладывает, чтобы они за ее сэ-ми-на-ры платили. У меня третий день дело из-за нее не спорится!

– Плутовка говорите? – не сдержал усмешки Мирон. – Так у вас их там пруд пруди. Чем эта не угодила? Обокрала кого?

– Так честных людей лопашият почему зря, шельмачка эдакая! Откликается то ли на дуру, то ли на гуру. Дармоедству обучает. Мужей от жен отваживает. Маткой дышать заставляет. Чакры им ломает. В космос отправляет.

Сидящие за столом полицейские надзиратели дружно повскакивали с мест. Помощник главы Елисей, громко закашлялся и спрятался за крепкую спину начальства. А само начальство, осознав, что свинцовая усталость сменилась неподдельным любопытством, удивленно приподняло правую бровь и почесало затылок.

– Дело ясное, что дело темное, – протянул Меньшиков и вытащил из кармана часы на цепочке.

До встречи с обер-полицмейстером оставался час, а значит можно скататься на ярмарку и взглянуть, что за диво-дивное там завелось.

Решив для начала взглянуть на вероятную мошенницу лично, чтобы оценить глубину ее вины, Мирон направился к нужной палатке.

Подчиненные держались от него на приличном расстоянии, и были строго проинструктированы действовать только по приказу. А три свидетельницы,

затаившись за прилавками, наблюдали за происходящим со стороны.

Вечером на ярмарке было не протолкнуться. И, с одной стороны, обилие народу создавало хорошее прикрытие. Но с другой – постоянная толкотня, шум и мелкие стычки уж очень отвлекали и мешали работе.

Успев как раз к началу, Меньшиков отодвинул полог, вошел внутрь и едва не присвистнул, когда увидел, сколько людей собралось начинающееся представление.

Все табуретки были заняты почтенными матронами. Мужчины жались к стенам палатки. Молодежь крутилась между рядами. Перед импровизированными подмостками стояло два здоровенных лба, что лениво чесали одинаковые бороды, изредка пробегаясь взглядом по гостям.

Чтобы не светить перед ними военным кителем, Мирон шагнул в тень. И вместе с остальными принялся ждать появления виновницы торжества. Вскоре до мужчины донесся ее голос. Тонкий, мелодичный. Отвлекающий внимание от непонятных, режущих уши слов.

– Мои уникальные, как прошел ваш первый трансформационный день?

Присутствующие сорвались с места, и как по команде разразились аплодисментами. В устремленных на подмостки взглядах читался восторг и восхищение. Чтобы разглядеть застывшую в центре хрупкую женскую фигурку, вызвавшую такой резонанс, Мирону пришлось сдвинуться еще на шаг и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mash_diana/nyanya-dlya-glavy-sysknoy-policii

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)